

Научная статья
УДК 334.72(470.325)
<https://doi.org/10.24158/spp.2021.8.1>

Некоммерческие организации в восприятии белгородцев: реалии и заблуждения

Валентин Павлович Бабинцев¹, Наталья Николаевна Пшеничная²✉

^{1,2}Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Белгород, Россия

¹<https://orcid.org/0000-0002-0112-6145>

²pshenichnaya@bsu.edu.ru ✉, <https://orcid.org/0000-0001-8970-962X>

Аннотация. Статья посвящена анализу отношения белгородцев к некоммерческим организациям (НКО), представляющим собой один из институтов гражданского общества. Эмпирическую базу статьи составили результаты социологического исследования «Оценка эффективности и результативности деятельности органов исполнительной власти и органов местного самоуправления на территории Белгородской области», которое было проведено кафедрой социальных технологий БелГУ в 2018 г. во всех районах Белгородской области. Результаты исследования показывают, что отношение населения региона к НКО характеризуется односторонней информированностью об их работе и слабо выраженным желанием граждан в ней участвовать. Это объясняется не только общей социально-политической пассивностью большей части населения, но и тем, что многие НКО либо не отражают интересы различных социальных групп, либо не могут адекватно информировать общественность о своей деятельности. В статье предложена оригинальная типология НКО, критерием которой выступают основания их создания. Подчеркивается, что в настоящее время в регионе целесообразно формирование механизма институционализации системы публичных коммуникаций, которая позволит хотя бы частично усилить влияние некоммерческих организаций и улучшить их имидж.

Ключевые слова: гражданское общество, институты гражданского общества, некоммерческие организации, типология НКО, государство, граждане, гражданская активность

Для цитирования: Бабинцев В.П., Пшеничная Н.Н. Некоммерческие организации в восприятии белгородцев: реалии и заблуждения // Общество: социология, психология, педагогика. 2021. № 8. С. 15–21. <https://doi.org/10.24158/spp.2021.8.1>.

Финансирование: статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта «Воспроизводство культурного капитала институтов гражданского общества в регионе» (№ 20-311-90013).

Original article

Non-profit organizations in the perception of Belgorod residents: realities and delusions

Valentin P. Babintsev¹, Natalya N. Pshenichnaya²✉

^{1,2}Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia

¹<https://orcid.org/0000-0002-0112-6145>

²pshenichnaya@bsu.edu.ru ✉, <https://orcid.org/0000-0001-8970-962X>

Abstract. The article is devoted to the analysis of the attitude of Belgorod residents to non-profit organizations (NPOs), which are one of the institutions of civil society. The empirical basis of the article is the results of a sociological study “Assessment of the effectiveness and efficiency of the activities of executive authorities and local governments in the Belgorod region”, which was conducted by the Department of Social Technologies of the Belgorod National Research University in 2018 in all districts of the Belgorod region. The results of the study show that the attitude of the population of the region towards NPOs is characterized by a one-sided awareness of their work and a weakly expressed desire of citizens to participate in it. This is explained not only by the general socio-political passivity of the majority of the population, but also by the fact that many NPOs either do not reflect the interests of various social groups, or cannot adequately inform the public about their activities. The article proposes an original typology of NPOs, the criterion of which is the grounds for their creation. It is emphasized that at present in the region it is advisable to form a mechanism for the institutionalization of the public communications system, which will at least partially strengthen the influence of non-profit organizations and improve their image.

Keywords: civil society, civil society institutions, non-profit organizations, typology of NPOs, state, citizens, civic activity

For citation: Babintsev V.P., Pshenichnaya N.N. Non-profit organizations in the perception of Belgorod residents: realities and delusions // Society: Sociology, Psychology, Pedagogics. 2021. No. 8. P. 15–21. (In Russ.). <https://doi.org/10.24158/spp.2021.8.1>.

Funding: the reported study was funded by RFBR, project number 20-311-90013 “Reproduction of cultural capital of civil society institutions in the region”.

Введение. Гражданское общество как самостоятельная сфера жизни социума получило довольно устойчивую интерпретацию в работах российских исследователей (А.Н. Аринин, З.Т. Голенкова, Т.И. Заславская, К.Н. Костюк и др.). Оно традиционно рассматривается как область отношений, лежащая вне государства, хотя и органически с ним связанная. Так, А.Н. Аринин дает следующее определение: «Гражданское общество – это общество с развитыми экономическими, политическими, правовыми, культурными отношениями между его членами, независимое от государства, но взаимодействующее с ним» [1, с. 90–91]. Схожую дефиницию предлагает З.Т. Голенкова: «Гражданское общество – это сфера внегосударственных отношений, структур и институтов» [2, с. 19], а также К.Н. Костюк: «Гражданское общество представляет собой самостоятельное социальное пространство, существующее наравне и независимо от государственной жизни» [3, с. 139]. Несколько шире определение Т.И. Заславской, согласно которому «гражданское общество является совокупностью отношений и институтов, функционирующих независимо от политической власти и способных на нее воздействовать» [4, с. 37].

Не менее привычным является тезис о репрезентации гражданского общества через систему специфических институтов. Однако здесь возникает ряд проблем, связанных с определением института гражданского общества. Во многом они обусловлены неопределенностью трактовки феномена социального института. В.М. Быченков обоснованно отмечает многозначность данного понятия, подчеркивая, что социальный институт – это «1) социальное установление как комплекс самых общих социальных (политических, правовых, моральных, религиозных и т. п.) норм, правил и принципов, культурных образцов, привычек, типов мышления и моделей поведения, определяющих сущность и устойчивость социальных явлений, обуславливающих и регулирующих социальные отношения, деятельность человека в различных областях ее приложения; 2) социальное образование, или учреждение, – социальная единица надиндивидуального уровня, организация, выступающая субъектом социальных отношений и действий» [5].

Следует учитывать и то, что дополнительные сложности создает обращение ряда исследователей к понятию «институция», отличие которого от понятия «институт» является довольно неопределенным. Так, по мнению О.В. Иншакова, оно состоит в том, что «институции производят нормы и правила, а институты их укореняют и распространяют» [6, с. 33]. Однако в данной статье социальные институты рассматриваются в рамках традиционного подхода как социальные организации, которые, как обоснованно заключает Г.Б. Кораблева, представляют собой собственно искусственные образования институционального характера [7, с. 113–114]. Безусловно, любая социальная организация выходит за рамки института, который, по определению автора, создает «матрицу», регулирующую взаимодействия организаций [8]. Но с учетом данного обстоятельства мы полагаем допустимым употреблять данные понятия как тождественные.

Мы определяем институты гражданского общества как негосударственные общественные структуры, созданные на добровольной основе и по инициативе граждан для артикуляции, агрегации, реализации и защиты их интересов в публичном пространстве, внутриорганизационные процессы в которых детерминированы системой конвенционально установленных норм и правил.

Главными условиями обретения статуса института гражданского общества являются независимость от государства и добровольность. Однако в современных российских условиях оба эти признака обычно бывают существенно размыты в силу деформации самого процесса формирования гражданского общества, который идет при активном вмешательстве государства, а нередко по его инициативе. И это не может не сказываться на восприятии его на уровне массового сознания.

Основной, предельно общей функцией любого института гражданского общества является представительство и защита интересов создавших его граждан, в первую очередь в их взаимоотношениях с государственной и муниципальной властью (вряд ли можно согласиться с попытками представить местное самоуправление как один из институтов гражданского общества). Однако наряду с этим реализуются и другие функции: агрегация интересов, закрепление и воспроизводство общественных отношений, регулятивная, интегративная, транслирующая, коммуникативная.

Институты гражданского общества разнообразны, хотя в массовом сознании далеко не все из них реплицируются (воспроизводятся) в одинаковой степени. Пожалуй, наиболее адекватное представление население имеет о некоммерческих организациях (НКО), представляющих добровольные, самостоятельные и саморегулирующие организации. Они могут создаваться для достижения социальных, благотворительных, культурных, образовательных, научных и управленческих целей, в целях охраны здоровья граждан, развития физической культуры и спорта, удовлетворения духовных и иных нематериальных потребностей граждан, защиты прав, законных интересов граждан и организаций, разрешения споров и конфликтов, оказания юридической помощи, а также в иных целях, направленных на достижение общественных благ [9]. Эти организации, особенно те,

которые относят к социально ориентированному типу, помогают решать многие жизненные проблемы граждан. Однако при этом их массовая база остается довольно узкой, большинство населения не предрасположено к включению в их деятельность. Отношение к НКО остается довольно неоднозначным, а их образ внутренне противоречивым и не всегда адекватным реалиям.

Целью данной статьи является анализ структуры представлений населения об НКО и их деятельности на основе обобщения результатов эмпирических исследований, проведенных в Белгородской области.

Методика исследования. Эмпирической базой работы послужили:

– результаты исследования «Оценка эффективности и результативности деятельности органов исполнительной власти и органов местного самоуправления на территории Белгородской области», в ходе которого анализировалось, в частности, отношение населения к институтам гражданского общества. Исследование было проведено в 2018 г. по методике мониторинга «Роза качества» (проводится, за небольшими исключениями, в регионе с 2003 г.) с применением многоступенчатой квотной выборки (квотными признаками выступают место жительства – город, село; пол и возраст) во всех районах Белгородской области способом анкетного опроса респондентов (n = 8000);

– результаты социологического исследования «Консолидация сельских сообществ», проведенного нами в 2019 г. в сельских населенных пунктах четырех муниципальных образований Белгородской области: Новооскольском и Старооскольском городских округах, Вейделевском и Волоконовском районах. Исследование осуществлялось методом фокус-группового интервью. Общее количество участников – 53 человека, возрастной диапазон – от 18 до 68 лет, половой состав – 41 женщина и 12 мужчин. Гайдом интервью предусматривалось обсуждение различных аспектов участия НКО в решении проблем территории.

Обсуждение результатов. Анализ отношения к НКО целесообразно рассматривать в контексте общей проблемы публичной активности. Большая часть белгородцев обычно редко проявляет ее в рамках общественных объединений. Если такая активность и имеет место, то обычно реализуется в виде индивидуальных практик. Среди форм гражданского участия, используемых жителями региона, наиболее востребованными являются территориальное общественное самоуправление (31 %), акции общественного контроля (24 %), публичные слушания (19 %). Установка на участие в деятельности НКО типична только для 3 % респондентов.

Это довольно типичная ситуация, характерная для России в целом. По результатам массового опроса, проведенного Институтом социологии РАН в 2014 г., наиболее распространенные формы общественной активности не предполагают системности и постоянства – голосование на выборах (41 %), обсуждение политических событий с друзьями, коллегами (37 %). В свою очередь, те формы политического активизма, которые предполагают регулярность участия и более или менее жесткую связь с конкретной организационной структурой, востребованы мало – работа в органах местного самоуправления (МСУ), участие в работе политических партий, в деятельности правозащитных организаций (от 1 до 3 %). Немногим менее половины граждан (43 %) предпочитают держаться в стороне от политики и не принимать в ней никакого, даже минимального личного участия [10].

Сложившееся положение, которое может быть определено как известная отстраненность большинства граждан от некоммерческих организаций, по нашему мнению, может быть объяснено как существенной дискредитацией коллективных форм, так и – в более общем плане – высоким уровнем атомизации социума. Индивидуалистическая ориентация в жизни наиболее типична для молодых людей, среди которых чаще, чем среди старших возрастных когорт, преобладает негативное отношение к социально-политической сфере. В их сознании более акцентировано стремление реализовать свои амбиции в бизнесе, а также, что особенно важно, они дорожат своей независимостью, даже если она носит иллюзорный характер. Согласно данным, полученным А.Э. Ушамирским в 2019 г. на материалах Белгородской, Волгоградской и Ростовской областей, 64 % молодых людей рассматривают ограничения их свободы как источник конфликта [11].

В среде представителей государственной и муниципальной власти нередко бытует мнение о необходимости дальнейшего роста числа НКО, что является отражением иллюзии, согласно которой, чем больше подобных организаций, тем успешнее формируется гражданское общество.

Между тем оценка реальной ситуации уже сегодня позволяет говорить о своего рода определенной «избыточности» НКО, если учитывать степень их востребованности в общей массе населения. На территории Белгородской области зарегистрировано 1864 некоммерческих организации. Направления их деятельности разнообразны: 24 % ведут работу в сфере охраны здоровья населения; 18 % – в сфере социального обслуживания, социальной поддержки и защиты; 16 % занимаются вопросами сохранения исторической памяти, 12 % – разработкой и реализацией проектов в области культуры и искусства. Немногим менее 10 % заняты поддержкой семьи,

материнства, отцовства и детства; 7 % работают в области науки, образования и просвещения; до 5 % участвуют в проектах, связанных с охраной окружающей среды и животных, развитием институтов гражданского общества, защитой прав и свобод человека, развитием общественной дипломатии, поддержкой соотечественников, укреплением межнационального и межрегионального согласия [12].

В принципе НКО не могут быть «избыточными», если они занимаются решением реальных проблем, число которых постоянно растет. Однако далеко не все из них соответствуют данному требованию.

В этой связи представляет интерес проблема типологии НКО, которая по-разному решается исследователями. Не возражая против попыток типологизировать их по сферам деятельности или времени существования, мы полагаем, что адекватно представить и понять специфику отношения населения к НКО позволяет распределение их с учетом оснований, по которым эти организации были созданы. С учетом этого мы считаем возможным выделить следующие типы НКО:

- социально ориентированные – их деятельность направлена на решение проблем конкретных групп населения, в том числе на социальную помощь и благотворительность;

- клубы по интересам, объединяющие относительно небольшое число людей на основе совместных увлечений или специфических профессиональных запросов;

- грантополучатели – НКО, созданные для освоения части общественных ресурсов путем получения государственной и муниципальной поддержки;

- мобилизационные проекты – возникшие по волевому решению власти для организации групп поддержки ее инициатив (чаще всего в политической сфере); в литературе для их определения обычно используется понятие ГОНГО, т. е. государством организованные негосударственные организации;

- «приюты для бывших» – НКО, функция которых заключается в обеспечении некоторым бывшим руководителям хотя бы формально сохраненной видимости своего высокого статуса и возможности проявления публичной активности;

- борцы с режимом – организации, целиком занятые критикой власти и позиционирующие себя как единственные представители гражданского общества.

Разумеется, спектр НКО исключительно богат, и предложенная типология не может учесть все нюансы. Но она дает основание утверждать, что многообразие этих структур не может не порождать дифференциацию их образов в общественном мнении. Более того, у граждан нередко складывается о них деформированное представление, в котором на основании отдельных структур формируются устойчивые ложные стереотипы, служащие основанием для отрицания необходимости подобных организаций вообще.

Согласно результатам нашего исследования, большинство организаций (56 %) осуществляют свою работу в пределах города, и лишь 44 % в районах Белгородской области. Таким образом, большинство НКО ограничивают свои интересы городскими процессами, что несколько сокращает круг потребителей услуг и, соответственно, не дает возможность организациям участвовать в решении социальных проблем, особенно характерных для сельских территорий. И уже это обстоятельство не способствует повышению их авторитета среди значительной части населения – сельских жителей. При этом процесс создания и организации работы «сельских» НКО приобретает особое значение в силу практически неосвоенного социального пространства для их деятельности в низко урбанизированной среде, где зачастую до предела обострены социальные проблемы.

Интервьюирование в ходе проведенного нами социологического исследования «Консолидация сельских сообществ» показало, что институт НКО в настоящее время используется фактически лишь в одном из сел – Незнамово Старооскольского городского округа, которое можно определить как субурбию. Фактически это пригород Старого Оскола, имеющий отчетливо выраженную специфику занятости и образа жизни населения (большинство работающих жителей села трудятся на крупных промышленных предприятиях, а крупное и среднее аграрное производство на сельской территории практически отсутствует). Статус субурбии обуславливает, с одной стороны, достаточно высокую активность НКО на данной территории, с другой – высокий уровень информированности жителей о возможностях НКО и включенности в сферу их деятельности.

Во-первых, аудитория достаточно хорошо знакома с деятельностью НКО Старооскольского городского округа, но, главным образом, с социально ориентированными организациями: «Насколько я знаю, есть три НКО, занимающиеся детьми-инвалидами. Это два фонда – “Твори добро” и “Сердце матери” и еще какой-то. Они устраивают мероприятия, конкурсы, возят нас на экскурсии» (Елена, 25 лет); «Ну, вот опять же, есть у нас Юрий Карапузов – инвалид, он сам колясочник. Он организовал, во-первых, транспорт маршрутный и в социальных сетях очень хорошо и ярко отслеживаются все его мероприятия с его участием. Сейчас идет программа “Качу по свету”. Они ездят на экскурсии по предприятиям, по святым местам» (Владислав, 61 год); «Вот, может, видели по “Белогорью”. Детям-инвалидам устраивали праздник – катали на квадроциклах за городом» (Наталья, 38 лет).

Во-вторых, участники исследования глубоко убеждены в реальной пользе от деятельности НКО в условиях недостаточной эффективности и ресурсной ограниченности государственных и муниципальных институтов. На вопрос о причинах востребованности некоммерческих организаций был дан практически общий ответ: «Потому что государство не может выполнять их функции. А кто этим будет заниматься?»

В-третьих, ряд участников фокус-групп непосредственно ощущают эффект деятельности НКО и активно распространяют информацию среди носителей аналогичной проблемы. Ответы на вопрос об источниках информации были следующими: «Есть свои группы, телефоны, сети (Елена, 25 лет); «В основном в группах все» (Владислав, 61 год); «СМИ» (Светлана, 44 года); «СМИ, мне кажется, особой роли здесь не играют. У нас есть в Вайбере своя группа мамочек этих особенных детей» (Елена, 34 года). Примечательно, что участвуют в сетевых группах почти в равной степени граждане всех возрастов. Нам в этой связи представляется иллюзорным утверждение, что такие группы объединяют преимущественно молодежь.

В-четвертых, среди участников исследования распространено представление (и оно абсолютно адекватно сложившейся ситуации), что эффективность НКО зависит, прежде всего, от двух факторов – личности его руководителя, инициатора социально значимой активности и сотрудничества с властью. Типично следующее суждение: «Чтобы НКО появились, какой фактор наиболее важен? Личность, инициатива сверху или стихийно все это происходит? - Мне кажется личность, все зависит от человека» (Наталья, 38 лет). Отметим, что акцент на роли инициативы «сверху» наиболее характерен для представителей старших возрастных когорт (более 40 лет). Молодые люди отдают приоритет активности «снизу».

Таким образом, в субурбиях прослеживается интерес к деятельности НКО, часть (хотя и небольшая) граждан участвует в их работе. Но в отдаленных от городов населенных пунктах деятельность НКО малоизвестна. При этом ситуация в отношении информированности белгородцев об отдельных видах НКО и гражданских инициативах представляется далеко не оптимальной применительно ко всему региону. Она носит односторонний, редуцированный характер. Чаще всего население информировано о деятельности садовых и дачных товариществ (28 %), профсоюзов (20 %), обществ инвалидов (19 %), ветеранских объединений (18 %). Лишь 10 % белгородцев знакомы с деятельностью благотворительных организаций, домовых комитетов, ТСЖ и ЖСК, а 5 % упоминают спортивные, туристические, охотничьи общества и религиозные общины. Таким образом, в информационном пространстве представлены главным образом структуры, востребованные среди старших возрастных когорт и гораздо реже среди молодежи.

Источником информации обычно служит так называемое «сарафанное радио» – сведения, полученные в процессе повседневного бытового общения. Этот источник называют 59 % граждан. Но чаще всего функционирующая здесь информация неполна и неадекватна, она во многих случаях продуцирует иллюзии о самых различных аспектах социальной реальности. Только 23 % белгородцев получают информацию из сети интернет, которая порой также не адекватна реальному положению дел. Для 18 % респондентов источником является личное участие или же участие родственников в деятельности этих организаций.

Не ведет к росту авторитета НКО и то, что главной целью своей деятельности некоторые из них ставят обеспечение благополучия общества и защиту общественных интересов. Приведем пример целей, взятых из реального устава НКО Белгородской области: «представительство и защита индивидуальных и коллективных социальных, трудовых, профессиональных прав и интересов членов Профсоюза, направленные на повышение уровня жизни членов Профсоюза» [13]. Такая формулировка при всей ее привлекательности представляется жителям региона довольно абстрактной, а результаты деятельности трудно измеримыми. Только пятая часть НКО провозглашают, что действуют в целях защиты интересов конкретных социальных групп. Разумеется, работа таких организаций наиболее эффективна, о чем в очередной раз напомнил президент РФ, подчеркнув, что «некоммерческие организации, представители традиционных религий России, волонтеры», «полноправные партнеры и единомышленники» социальных работников [14]. Но, как показывает опыт, именно эти организации менее всего склонны заниматься самопиаром, а потому недостаточно известны большинству людей.

Основная масса НКО работают в регионе более 10 лет, и с точки зрения жизненного цикла подобные организации находятся либо на стадии зрелости, либо на стадии упадка [15]. Можно предположить, что они мало способны к постановке инновационных целей, особенно востребованных в современной динамично меняющейся реальности.

Итак, отношение населения региона к НКО характеризуется преимущественно односторонней информированностью об их работе и крайне слабо выраженным желанием в ней участвовать. Во многом это связано с общей общественно-политической пассивностью граждан, в основе которой лежит либо убежденность в бессмысленности активного участия в решении общих

проблем (в сложившихся условиях народ ничего не сможет изменить), либо в его чрезмерной «затратности» (реализовать свои цели можно, но результат не окупит потраченных сил и средств). Об этом свидетельствуют результаты социологического исследования «Ментальные неравенства как фактор социальной поляризации российской провинции», проведенного в 2018 г. Е.В. Реутовым и М.Н. Реутовой. По их данным, 51,2 % респондентов категорически отказались от участия в деятельности институтов гражданского общества. Основными причинами отказа являются неверие в его действенность и отсутствие у них необходимых знаний (28,3 и 25,4 % соответственно). Другими значимыми факторами респонденты назвали отсутствие времени и интереса к подобной деятельности (19,8 и 19,4 % соответственно) [16]. При доминировании такой позиции гражданская активность приобретает преимущественно демонстрационный характер, позволяющий создать лишь иллюзию реального участия, которая тем не менее, как правило, устраивает и социальные институты, и основную массу граждан.

Несмотря на преимущественно пассивное отношение граждан к деятельности региональных НКО в настоящее время, она имеет, на наш взгляд, потенциально значительную базу поддержки. Такой социальной базой развития «третьего сектора» могут стать от 20 % (доля социально активных граждан) до 40 % (доля граждан, позитивно относящихся к деятельности НКО) белгородцев. Но создание условий для реализации этого потенциала требует существенных, в чем-то даже радикальных изменений регионального публичного дискурса. Поскольку устранить причины пассивности населения, с одной стороны, и недостаточной адекватности НКО интересам различных социальных групп, с другой, в краткосрочной перспективе представляется маловероятным (этому будет препятствовать не только инерция социальной пассивности, но и неявная, но фактически доминирующая установка власти на укрепление административной системы управления, представляемая как укрепление вертикали власти), ресурс таких изменений мы связываем с преобразованием системы публичных коммуникаций основных «игроков» регионального общественно-политического пространства – власти, бизнеса, НКО и населения.

Эта система должна быть институционализована, что предполагает не столько нормативно-правовое закрепление, сколько достижение своего рода конвенции о «правилах игры», опирающихся на их добровольное принятие. В соответствии с этими договоренностями должна выстраиваться инфраструктура публичных коммуникаций, предоставляющая возможность выразить свое мнение всем участникам регионального публичного пространства, разумеется, при соблюдении ими правовых норм. Если подобной институционализации не произойдет, взаимодействие власти и гражданского общества будет развиваться по пессимистическому сценарию (дальнейшее снижение уровня институционального доверия; сохранение и даже нарастание общественно-политической пассивности; усиление социальной эксклюзии; обострение конфликтов) с крайне неблагоприятными последствиями не только для гражданских институтов, но и для всего общества.

Разработка механизма институционализации представляет собой задачу, которую совместно должны решать власть, гражданские институты (прежде всего через общественные палаты регионов и муниципалитетов) и экспертное сообщество.

Заключение. Проведенный анализ дает основание утверждать следующее. НКО как институт гражданского общества, несмотря на то, что часть из них занимается действительно полезной работой, пока не обладают существенным влиянием в общей массе населения Белгородской области. Проведенные исследования позволяют выделить некоторые значимые причины этого. Они связаны с общей девальвацией установки на коллективное участие; не вполне адекватной интересам населения структурой НКО; наличием организаций-симулякров, организаций с размытыми целями, формирующих лишь иллюзию своей деятельности; недостаточной информированностью жителей области о работе организаций, действительно решающих жизненные проблемы людей.

Это негативно сказывается на реальной способности некоммерческих организаций выполнять свои основные функции. При формально высоком уровне представленности в публичном пространстве они лишь потенциально способны играть роли, которыми наделяют их идеологи гражданского общества. Повышение значимости НКО мы связываем с использованием ресурса публичных коммуникаций, модель которых в регионе должна быть существенно модифицирована на основе комплекса социально-технологических решений. Безусловно, это паллиативное решение; оно не затрагивает глубинные основания не вполне адекватной оценки некоммерческих организаций, определенного недоверия к ним (пожалуй, за исключением социально ориентированных), отказа от участия в их работе. Эти основания связаны с общим низким уровнем гражданской активности, как правило, являющимся реакцией на чрезмерную этатизацию общественной жизни, которая в силу исторических и геополитических оснований может рассматриваться в качестве долгосрочной тенденции.

Список источников:

1. Аринин А.Н. Зрелость гражданского общества – основа устойчивого развития и безопасности России // Современная российская цивилизация. М., 2000. С. 90–91.
2. Становление гражданского общества и социальная стратификация / З.Т. Голенкова и [др.] // Социс. 1995. № 6. С. 14–24.
3. Костюк К.Н. Русская Православная Церковь в гражданском обществе // Социально-гуманитарные знания. 1998. № 2.
4. Заславская Т.И. Социетальная трансформация российского общества: деятельно-структурная концепция. М., 2002. 568 с.
5. Быченков В.М. Социальный институт [Электронный ресурс] // Электронная библиотека Института философии РАН. URL: <https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASHd07a46272f09e63e74c0d0> (дата обращения: 19.08.2021).
6. Иншаков О.В. Институтация и институт: проблемы категориальной дифференциации и интеграции // Экономическая наука современной России. 2010. № 3 (50). С. 26–38.
7. Кораблева Г.Б. Социальные институты и социальные организации: особенности взаимодействия // Известия Уральского государственного университета. Серия 3: Общественные науки. 2009. № 4 (70). С. 111–118.
8. Там же.
9. О некоммерческих организациях: федеральный закон от 12 января 1996 г. № 7-ФЗ (с изменениями на 2 июля 2021 г.) [Электронный ресурс] // Гарант. URL: <https://base.garant.ru/10105879/> (дата обращения: 19.08.2021).
10. Гражданский активизм: новые субъекты общественно-политического действия: круглый стол – презентация результатов общероссийского исследования [Электронный ресурс] // Институт социологии РАН. URL: https://www.isras.ru/institute_news.html?id=4743 (дата обращения: 19.08.2021).
11. Ушамирский А.Э. Социальный механизм регулирования процесса реализации интересов молодежи в условиях конфликта: дис ... д-ра социол. наук. Белгород, 2020. 477 с.
12. Развитие некоммерческих организаций на территории Белгородской области [Электронный ресурс] // Портал информационной поддержки некоммерческих организаций Белгородской области. URL: <https://belnko.ru/> (дата обращения: 19.08.2021).
13. Информационное пространство НКО Белгородской области [Электронный ресурс] // Белгородская районная организация Профсоюза работников народного образования и науки РФ. URL: <https://prof-obraz-rajon.nko31.ru/o-nas/> (дата обращения: 19.08.2021).
14. Встреча с социальными работниками госучреждений и НКО [Электронный ресурс] // Президент России. URL: <http://kremlin.ru/d/63471> (дата обращения: 19.08.2021).
15. «Портрет» белгородских НКО [Электронный ресурс] // Институт региональной кадровой политики. URL: <http://www.irkp31.ru/info/news/portret-belgorodskikh-nko/> (дата обращения: 19.08.2021).
16. Реутов Е.В., Реутова М.Н. Ментальность жителей Российской провинции: устремленность в будущее и способы его достижения // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. 2019. Т. 44, № 3. С. 410–418.

Информация об авторах

В.П. Бабинцев – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры социальных технологий и государственной службы Белгородского государственного национального исследовательского университета, Белгород, Россия.

https://www.elibrary.ru/author_profile.asp?id=265785.

Н.Н. Пшеничная – аспирант кафедры социальных технологий и государственной службы Белгородского государственного национального исследовательского университета, Белгород, Россия.

https://www.elibrary.ru/author_profile.asp?id=1109546.

Information about the authors

V.P. Babintsev – D.Phil., Professor, Department of Social Technologies and Public Service, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia.

https://www.elibrary.ru/author_profile.asp?id=265785.

N.N. Pshenichnaya – PhD student, Department of Social Technologies and Public Service, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia.

https://www.elibrary.ru/author_profile.asp?id=1109546.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 21.07.2021;
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 09.08.2021;
Принята к публикации / Accepted for publication 26.08.2021.